

УДК 342.
ББК 67.400.

**ЦЕННОСТЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА —
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИМПЕРАТИВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ
РЕПРЕССИЙ НАРОДОВ В СССР В 30–50-е гг. XX в.*¹**

Е. А. Гунаев

Вопросы изучения и освещения истории политических репрессий советской эпохи, особенно периода сталинизма, по-прежнему являются проблемными в современной России, поскольку вызывают массу споров не только в среде исследователей, но и приобретают идеологическую окраску, что связано с политической борьбой различных сил, с разным видением будущего страны. В качестве безусловного императива (требования) в исследованиях по истории репрессий народов СССР в XX веке выступают конституционные ценности — ценности права, законности и демократии, правового государства, прав человека и коллективных общностей, включая народы. Очевидность такого вывода не вызывает сомнений, во всяком случае, для демократически убежденных граждан, включая ученых-исследователей.

Однако существуют научные исследования и публикации, в которых ставятся под сомнение некоторые факты или интерпретируются в определенном контексте сами причины и следствия депортации (насильственного переселения) и репрессий в отношении целых народов в истории СССР в 1930–1950-е гг. На наш взгляд, особенностораживают и вызывают неоднозначную оценку исследования юридической направленности, где с позиции права пытаются обосновать подобные утверждения. Они являются спорными с научной точки зрения, поскольку не соответствуют историческим фактам и положениям современного российского законодательства, а также вызывают негативную оценку с чисто гражданской позиции. Приведем примеры.

Одной из работ такого рода является кандидатская диссертация Р. Р. Баева «Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг.», защищенная в Волгограде в 2006 г. [Баев 2006]. Данный автор в соавторстве с А. Е. Епифановым издает почти под тем же названием учебное (!) пособие [Баев, Епифанов 2007]. Прежде всего вызывает определенный вопрос само использование понятия «переселение» — вместо «насильственное переселение», использованное в Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Первое в русском языке не имеет прямого негативного смысла, что задает неверный тон исследованию (в российском законодательстве о реабилитации репрессированных народов и жертв политических репрессий не применен термин «депортация». — *Е. Г.*). Кроме того, в формулировке темы использовано словосочетание «юридические основы», что опять-таки можно трактовать как обоснование законности действий органов государственной власти в рассматриваемый диссертантом период. На наш взгляд, можно было бы использовать нейтральный термин — «нормативное регулирование». Однако в работе избрана именно данная терминология.

Р. Р. Баев декларирует, что «в работе определены позитивные (!) и негативные стороны репрессирования названных народов в годы Великой Отечественной войны» [Баев 2006: 10–11]. По утверждению автора, в его «исследовании показаны особенности юридического статуса спецпереселенцев изучаемой категории, регламентация отпу-

* Статья выполнена в рамках проекта «Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе: конструирование этничности» Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

ценных им социально-экономических и политических прав (!), а также возложенных на них обязанностей» [Баев 2006: 12-13]. Проведенный автором «анализ архивных материалов» приводит его к выводу о том, что «усилия органов внутренних дел позволили со временем обеспечить спецпереселенцам достаточно высокий (!) уровень жизни в местах спецпоселения» [Баев 2006: 13]. В диссертации отмечается «достижение высоких результатов по предупреждению и ликвидации побегов спецпереселенцев...» [Баев 2006: 13].

Следует заметить, что автор указанного диссертационного исследования не избегает терминов «репрессии», «репрессивный аппарат», «принудительное переселение», «репрессивная практика», «репрессированные народы», однако стилистически в тексте этот терминологический ряд соседствует с вышеприведенными выводами. Основное же внимание диссертанта уделено работе органов НКВД и исполнительных органов советской власти по организации деятельности «по переселению и специальному поселению» указанных им народов. Теоретическая значимость исследования, по мнению автора, призвана «расширить представления о национальной политике советского государства, выявить своеобразие (!) переселения и специального поселения репрессированных народов» [Баев 2006: 13].

Другой настораживающий пример находим в статье Л. П. Белковец «Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие», опубликованной в академическом журнале «Государство и право» под рубрикой «Страницы истории» [Белковец 2006]¹. Тезисы и выводы этой статьи вызывают множество вопросов.

Во-первых, само название статьи не соответствует ее содержанию, поскольку речь идет о правовой природе специального административно-правового режима и спецпоселении как об одном из его видов в указанный период [Белковец 2006: 107]. В контексте содержания статьи употребление словосочетания «правовые аспекты национальной политики СССР» наталкивает

¹ Отметим, что ранее в этой же рубрике была опубликована статья: Сабанчиев Х-М. А. Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселении // Государство и право. 2005. № 12. С. 89–96.

читателя на мысль об обоснованности и внешней законности творимых в то время деяний, что в корне неверно, даже с точки зрения советских конституций того периода. Конституции СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г., как известно, провозглашали идеалы народовластия и законности, тогда как политические репрессии сталинизма были, по сути, беззаконием, поскольку попирали провозглашенные конституционные нормы тоталитарного социализма.

Во-вторых, позиция автора становится сразу ясна, когда в первом же абзаце мы читаем: «...о так называемых «репрессированных» народах, переселенных (!) из европейской части страны на зауральские территории и подвергнутых административно-правовому режиму спецпоселения» [Белковец 2006: 106]. По мнению автора, оказывается, народы можно незаконно переселять, а слово «репрессированные» брать в кавычки.

Л. П. Белковец перечисляет народы, подвергшиеся «переселению»: «Причины (!) высылки были различными. Одни народы попали на спецпоселение в годы войны как “представители государств”, воевавших с СССР, другие — как “пособники фашизма”, третьи (украинцы, латыши, литовцы, эстонцы, молдаване) — как оказавшие сопротивление установлению советского строя, как “бандпособники” и “кулаки”» [Белковец 2006: 106]. Напомнив об обвинениях, хотя и взятых в кавычки, не опровергая их и не приводя альтернативных суждений, Л. П. Белковец приходит к выводу: «Впоследствии многое было поправлено. Однако немалую роль в их тяжелой судьбе (имеется в виду постсоветский период. — Е. Г.) сыграли непродуманные и скоропалительные выводы и оценки политики переселений народов, получивших наименование “депортаций”» [Белковец 2006: 107]. По мнению Л. П. Белковец, правовые выводы и оценки сыграли негативную роль в решении насущных национальных проблем.

Подвергая критике Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 г. и при этом не указав, что она принята Верховным Советом СССР (это важный аспект. — Е. Г.), а также Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., Л. П. Белковец считает, что их принятие «способствовало распростра-

нению “обвальная негативная информация”, причем незаслуженному очернению подверглись многие положительные стороны жизни» [Белковец 2006: 107]. По мнению автора, «важно также восстановить истину в отношении той роли, которую сыграли в обеспечении режима спецпоселения обруганные с самых разных позиций силовые структуры, выяснить, как с их помощью регулировались трудовые и иные отношения спецпереселенцев и государства» [Белковец 2006: 107].

Л. П. Белковец рассматривает режим спецпоселения на примере российских немцев. В статье, по сути, оправдывается политика сталинизма в отношении так называемых социальных и национальных «групп риска», к которым «...несомненно, может быть отнесен немецкий этнос в СССР» [Белковец 2006: 109]. Утверждается, что «переселение» может быть оценено как превентивная акция Советского государства, носившая правовой характер, акции высылки не носили преднамеренно репрессивного характера, проводились на основе нормативных правовых актов, именовались «операциями», расценивались как проведение эвакуации, целесообразность которой разъяснялась населению [Белковец 2006: 109-110].

Л. П. Белковец пишет: «Практиковалось вежливое, корректное отношение к переселенцам, факты расстрелов и других репрессивных акций, известные из зарубежной литературы, не нашли подтверждения» [Белковец 2006: 110]. «Не соответствуют истине и рассказы об “ужасных условиях” путешествия, “нечеловеческих страданиях”, отсутствии пищи и воды, большом количестве жертв в пути, заплombированных вагонах, открывавшихся лишь для того, чтобы можно было забрать умерших, о чем писали в свое время не только западные, но и некоторые российские исследователи и историки. Архивные материалы и свидетельства самих переселенцев-немцев не подтверждают этих преувеличений (!)» [Белковец 2006: 110]. Автор приходит к выводу: «все сказанное не позволяет нам согласиться с мнениями некоторых ниспровергателей, яростно осуждавших “депортацию” как “чудовищное преступление сталинского тоталитаризма”» [Белковец 2006: 110].

Л. П. Белковец видит опасность в том, что освещение депортаций народов в СССР в годы Великой Отечественной войны «не-

которыми авторами вполне созвучно с известной на Западе концепцией перекалывания главной ответственности за преступления “третьего рейха” на Россию, “большевиков”, на “сталинский тоталитаризм”» [Белковец 2006: 110]. Признавая, что статус граждан СССР немецкой национальности «в результате переселения (!) был ущемлен», Л. П. Белковец объясняет это тем, что «в условиях политического режима в СССР, даже при формальном признании прав и свобод граждан, такая свобода вряд ли была бы возможна», отметив при этом, что «и демократические государства имеют прецеденты нарушения конституционных прав граждан в экстремальных условиях», к которым относится война [Белковец 2006: 111].

Наконец, согласно позиции автора статьи, «специальный административно-правовой режим спецпоселения стал адекватной (!) формой деятельности государства в нестандартной, экстраординарной ситуации» [Белковец 2006: 112].

Основные выводы Л. П. Белковец гласят: «в политике СССР по отношению к переселенным (!) народам отсутствуют все (!) элементы состава такого преступления, как геноцид» [Белковец 2006: 113]; «Закрепление немцев и других народов в местах спецпоселения способствовало решению важнейших задач экономического характера в тяжелых условиях военного периода. Эти вынужденные (!) меры помогли СССР выстоять в войне» [Белковец 2006: 113]. Л. П. Белковец лишь сожалеет о том, что «никакими благими намерениями нельзя оправдать ужесточение режима после (!) войны, когда “закручивание гаек” и еще более усилившийся поиск среди спецпереселенцев шпионов и диверсантов приобрели характер мании; система продолжила творить миф о своей полезности и необходимости, в то время как ее влияние приобретало все более отрицательное значение» [Белковец 2006: 113]. Тезисы и выводы статьи Л. П. Белковец говорят сами за себя [См. также: Белковец 2004, 2005]. На наш взгляд, это не что иное, как оправдание сталинизма.

В аспекте оценок репрессий неоднозначно выглядят информационные сообщения отдельных федеральных средств массовой информации, безымянные авторы которых зачастую считают возможным в общем контексте информирования об истории депортаций указать «вину» народов, которая

послужила «причиной» их насильственного переселения. Один из примеров — информационная справка «Депортация народов в СССР» «РИА Новости» (в справке цитируются выдержки из Указов Президиума Верховного Совета СССР о карачаевцах и калмыках. — *Е.Г.*) [Депортация: 2009]. Обращая внимание на это, зададим риторические вопросы, в том числе вышеуказанным авторам: почему допускаются такие формулировки, почему репрессии обосновываются ссылками на незаконные указы того периода, или документам сталинской эпохи следует верить больше, чем российским законам?

В задачи данной статьи не входит полемика по всем названным тезисам, однако отметим следующее:

– Российская Федерация как правопреемница СССР обеспечивает дальнейшую реабилитацию репрессированных народов и жертв политических репрессий;

– репрессии в СССР, в том числе по национальному признаку, признаны противоправными и получили осуждение в российском законодательстве;

– термин «геноцид» присутствует в Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. (преамбула и ст. 2);

– хотя законодательство не использует термин «депортация» — использованы словосочетания: «насильственное переселение» (Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»), «направление в ссылку, высылку и на спецпоселение», «привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы» (ст. 1, ст. 1.1., ст. 2, ст. 2.1., ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»), — отрицать законодательные нормы, да и просто исторические факты неправомерно и аморально;

– законодательство содержит норму, закрепляющую ответственность за воспрепятствование реабилитации репрессированных народов (ст. 4 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов») и жертв политических репрессий (ч. 2 ст. 18 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»).

И главное: высшей юридической силой обладают конституционные нормы. В действующей Конституции РФ провозглашается императив ценностей правового государства и прав человека (ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 2 ст.

4, ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 29, ст. 52, ст. 53, ч. 3 ст. 56). Именно с этих позиций должны оцениваться политические репрессии в СССР, а не с позиции антиконституционных норм и документов органов власти советского государства тоталитарного периода, послуживших обоснованием для массовых репрессий.

В заключение отметим, что одной из проблем реабилитации репрессированных народов и жертв политических репрессий продолжает оставаться нравственная — проблема исторической памяти, связанная с десталинизацией российского общества [Алмаева 2012], неприятием фактов массовых репрессий и нарушений прав человека в рассматриваемый исторический период, недопущением оправдания действий тоталитарного режима. К сожалению, в современном российском обществе пока еще плохо осознается сама проблема десталинизации в массовом сознании, однако определенные шаги намечены [Суд 2013]. Это вселяет определенную надежду, что в России возобладают гуманистические ценности и оправдание тоталитаризма в обществе станет в принципе невозможным.

Источники

Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 23. Ст. 449.

Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (ред. от 30.11.2011) // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Версия Проф».

Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Версия Проф».

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. Законов о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ) // Рос. газета. 2009. 21 января.

Литература

Алмаева Л. М. Десталинизация российского общества — путь к развитию демократического государства // Вестник Южно-Уральского

- профессионального института. 2012. № 1 (7). С. 137–143.
- Баев Р. Р.* Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград. 2006. 278 с. РГБ ОД, 61:07-12/894. // URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/179191.html#introduction> (дата обращения: 21.04.2013).
- Баев Р. Р., Епифанов. А. Е.* Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 (Историко-юридический аспект): Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та экономики, социологии и права, 2007. 279 с.
- Белковец Л. П.* Административно-правовой режим спецпоселений // Российский юридический журнал. 2004. № 3. С. 134–139.
- Белковец Л. П.* Правовая оценка переселения народов и режима спецпоселения в СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие // Современные проблемы юридической науки. Сборник научных статей. Новосибирск: РИЦ «Новосибирск». 2005. Вып. 5. С. 205–213 // URL: <http://www.lawlibrary.ru/article1203582.html> (дата обращения: 12.07.2013).
- Белковец Л. П.* Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие // Государство и право. 2006. № 5. С. 106–113.
- Депортация народов в СССР.* Справка // Опубликовано на сайте РИА Новости 14.11.2009 // URL: <http://ria.ru/20091114/193419498.html> (дата обращения: 12.07.2013).
- Суд над сталинизмом отложен. Зато программа поддержки жертв массовых репрессий получит финансирование* // Независимая газета. 2013. 27 июня // URL: http://www.ng.ru/politics/2013-06-27/1_sud.html (дата обращения: 11.07.2013)